

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-384-397

УДК 821.161.1

«СУДЕБНЫЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ» В РУССКОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1860—1880-Х ГГ. ОТ АЛЕКСАНДРА ШКЛЯРЕВСКОГО ДО ЧЕХОВА

С. . Кибальник

Институт русской литературы
Российская Академия наук
наб. Макарова, 4., Санкт-Петербург, Россия, 99034

В данной статье прослежена траектория развития детективного жанра в русской литературе. Непосредственным объектом анализа является образ судебного следователя, рассмотренный на материале обширного корпуса текстов. Интерпретация художественных произведений снабжена биографическими данными, составляющими основу «вертикального контекста».

Ключевые слова: жанр, детективная литература, русская проза 1860—1880-х годов

1

Писателя Александра Андреевича Шкляревского (1837—1883) критики иногда называли «русским Габорио» [11. С. 292], а историки русской литературы — «отцом русского детектива». Хотя и для того, и другого есть некоторые основания, подобные суждения высказываются, как правило, и вполне обоснованно, только с существенными оговорками [10]. Что не вызывает ни малейших сомнений, так это то, что служба Шкляревского во многом определила как его личную судьбу, так и характер его творчества. «Чины» и «музы» в его творчестве были переплетены самым причудливым и не всегда благоприятным образом.

Ранний и разнообразный служебный опыт писателя, предшествовавший переходу в профессиональные литераторы: служба наемным писцом в полиции, потом в земском суде, затем учителем приходской гимназии, и, наконец, благодаря протекции А.Ф. Кони, кандидатом на судебную должность при следователе по особо важным делам, а потом поверенным-стряпчим удельного ведомства по Симбирской, Казанской и Пензенской губерниям [10. С. 7] — обогатил его впечатлениями, которые легли в основу как «провинциальных» повестей середины 1860-х, так и «уголовных» повестей и рассказов конца 1860-х — начала 1880-х гг.

И в тех, и в других Шкляревский нередко наделял своих героев элементами собственной биографии (служба учителем приходской гимназии в повестях «Святая веревка», «Исповедь ссыльного») [18. С. 5—11, 114; 17. С. 38—49]. В первой из них он, судя по всему, довольно откровенно рассказывает, как и почему стал учителем. Будучи «мещанином», отец Шкляревского учился в университете и должен был по окончании, в соответствии с тогдашним законодательством, по-

лучить дворянское звание. Однако он влюбился, женился и был вынужден бросить учебу. Правда, вскоре после этого Андрей Шкляревский поступил на службу учителем уездного училища. Если бы его сын Александр был рожден после этого, то оказался бы рожденным в дворянском звании. Однако все случилось ровно наоборот.

Учиться Александру Шкляревскому было не на что, но, поскольку его отец служил учителем, его приняли в Первую Харьковскую гимназию на казенное содержание. К несчастью, отец не отличался большой уживчивостью и из-за конфликта с начальством был переведен в другую губернию. Соответственно, сына сняли с казенного содержания. Как мещанин Александр Шкляревский был военнообязанным и должен был начать службу простым солдатом. Вот почему в семнадцать лет он сдал экзамен на звание приходского учителя, дающее освобождение от воинской повинности. И в самом деле вскоре, в 1854 г., поступил на службу учителем в приходское училище города Павловска Воронежской губернии.

Оттуда он начал присылать корреспонденции в «Воронежские губернские ведомости» и вскоре, благодаря содействию редактора этой газеты, перешел на службу в Воронеж — учителем приходского училища и женской прогимназии [2. С. 137; см. также: 7].

Любопытно, что не только все эти внешние обстоятельства, но и некоторые подробности можно найти во многих произведениях Шкляревского. Так, например, в его повести «Свитая веревка» только что изложенная автором история рассказана как предыстория ее героя Константина Маевского [18. С. 5–10]. Дальше сюжет ее развивается следующим образом: «Боясь, чтобы сын не попал в солдаты, отец Маевского повез своего Константина в губернский город держать экзамен на приходского учителя. Константин выдержал его самым удовлетворительным образом и был определен в какой-то глухой уездный городишко». Там он вскоре обнаружил, что положение приходского училища ужасно и бесперспективно и что он без труда сдал бы экзамен и на учителя уездного училища [18. С. 11, 13–15].

Тут уже сам герой совершает поспешный шаг: женится «лет двадцати на девушке старше себя годами, из простого звания, не удостоверившись даже в глубине чувств ее к нему. Впрочем, на первых порах женитьба эта имела и свою хорошую сторону. Маевский сделался домоседом, занялся своим образованием, значительно расширил круг его и собрался ехать в университет, в котором, перебиваясь кое-как уроками, он окончил курс по естественному факультету. Затем он достигнул места и учителя гимназии в губернском городе В.» [18. С. 16–17]. Здесь Маевский имеет успех, принимает участие в обсуждении необходимых общественных реформ и неожиданно оказывается вынужден выйти в отставку. Он неоднократно изменяет своей жене, в конце концов та кончает с собой, а герой заболевает душевной болезнью и топится в реке.

Вследствие того, что сведений о биографии Шкляревского сохранилось не так уж много, довольно трудно сказать, что в этой повести автобиографично, а что выдуманно. Однако судя по тому, что аналогичной предысторией Шкляревский наделил героя другой своей повести «Исповедь ссыльного» [17], скорее всего лишь ее трагический финал и, возможно, вторая половина не соответствуют реальной

биографии писателя. «Свой жизненный опыт, отмечал А.И. Рейтблат, Шкляревский положил в основу большинства книг. Во многих из них (“Убийство без следов”, “Исповедь ссыльного”, “Отчего он убил их?”, “Варинька и ее среда” и др.) он просто отдавал героям свою биографию (причем, что поразительно, нередко — преступникам) или излагал те или иные эпизоды из собственной жизни» [10. С. 10]. Однако, что касается «Исповеди ссыльного», то ее герой Далевцев оказывается на каторге по ложному обвинению в убийстве.

Во всяком случае, некоторые свои ранние произведения Шкляревский помечал: «Сл. Ольховатка» [20. С. 171], и именно в этом селе служит уездным учителем герой «Свитой веревки» Константин Маевский [18. С. 5—6].

Кстати, из «Исповеди ссыльного» также можно почерпнуть обширные сведения, которые проливают свет на обстоятельства начала Шкляревским литературной работы. Оказавшись в Воронеже, тот начал пробовать свои силы в публицистике и литературе. Как раз в 1868 г. в Воронеже начинает издаваться газета «Дон», и Шкляревский не проходит мимо возможности в ней печататься. Он печатает свою первую повесть в Петербурге, приобретает здесь некоторую известность как писатель и, наконец, в 1869 г. в надежде на литературный успех переезжает в Петербург, где к тому времени уже обосновался и успешно занимался журнальной деятельностью его близкий приятель по Воронежу и будущий издатель Чехова А.С. Суворин.

Интересно, что, доехав до Москвы, герой оказывается совершенно без денег, однако в «ничтожной лавчонке, торговавшей старыми книгами и газетами», у Сухаревой башни ему дают совет продать свои неизданные сочинения купцу Меньяйлову. Тот покупает их за 60 рублей, и на эти деньги герой уезжает в Петербург. Здесь он начинает писать новую повесть с тем, чтобы когда деньги у него кончатся, ему было бы что продать издателем: «Повесть я свою кончил в две недели, но она нигде не была принята, то за сюжет, то за обилием материала, то за величину; зато в одной редакции мне предложили постоянное сотрудничество по внутренним известиям с платою по пятидесяти рублей в месяц» [17. С. 108].

Поскольку, с одной стороны, о биографии Шкляревского известно довольно мало, а с другой, одна и та же история повторяется, с некоторыми вариациями, в нескольких его произведениях, можно предположить, что его произведения автобиографичны. Причем, здесь имеет место, по всей видимости, буквальный автобиографизм, так что парадоксальным образом сами литературные произведения Шкляревского, являются своего рода мемуарами, и оказываются едва ли не основным источником биографии автора.

На этом основании некоторые исследователи полагают, что и так называемые «уголовные» произведения Шкляревского конца 1860-х — начала 1880-х годов, уже в соотнесении с его службой в полиции, земском суде и удельном ведомстве, «можно с равным успехом отнести к мемуарному жанру» [6. С. 5]. Существует, впрочем, другое, по-видимому, также небезосновательное мнение, что Шкляревский использовал уголовные дела, которые были доступны ему по службе [11. С. 292].

В самом деле, по крайней мере, относительно некоторых из произведений Шкляревского, например, его нашумевшей повести «Как он принудил себя убить

ее?», в которой рассказана история убийства первой жены А.С. Суворина, — доподлинно известно, что, во-первых, они никак не связаны с личными впечатлениями Шкляревского от участия в расследовании этих преступлений, а основываются на знакомстве с газетными репортажами о нем и с самими участниками событий, а во-вторых, что эти данные были развиты им совершенно произвольным образом [ср.: 21. С. 203—205, 207, 342 (переиздание: 8), а также: 12. С. 392—393] Аналогичные трансформации реальных историй, судя по всему, представляет собой большинство других так называемых «уголовных» повестей и рассказов Шкляревского, причем характер переработки этих историй писателем, как правило, еще только предстоит выяснить.

2

Как показал А.И. Рейтблат, русская детективная литература, представленная не чистым, так называемым «классическим» детективом, а другими жанровыми разновидностями «уголовным романом» и «сыщицкой литературой», создавалась с установкой на документальность [9. С. 305]. «Детектив (или, как его тогда называли, “уголовный роман”) был не в чести. — отмечал исследователь. — <...> Поэтому первое время авторы стремились подчеркнуть в названии документальный характер своих книг (и действительно, они, как правило, не “сочиняли”, а пересказывали случаи из жизни)» [10. С. 8].

Русский уголовный роман, повесть и рассказ возникают из этой традиции в результате отмены очерковой установки на документальность и жанровой трансформации «записок» в «рассказ», то есть повествование от лица следователя о расследовании преступления. Впрочем, с нашей точки зрения, уголовный роман Шкляревского имеет гибридный характер. Общая схема сыщицкого романа Габорио и К^о перекраивается у него в соответствии с переходом на «рассказ» от лица самого следователя.

Разумеется, подобные произведения могли появиться лишь после 1860-го года, когда в России была введена должность судебного следователя. А.И. Рейтблат называет даже точную дату рождения российского детектива — 1872 год: «До этого времени в печати появлялись только очерковые книги о сыщиках и преступниках типа “Московских тайн” М.М. Максимова (М., 1861) или <...> книг Соколовского и Степанова <...> (“Острог и жизнь (Из записок следователя)” Н.М. Соколовского (СПб., 1866) и “Правые и виноватые. Записки следователя сороковых годов” П.И. Степанова (СПб., 1869. Т. 1—2). <...> А в 1872 г., наряду с продолжающими старую традицию “Записками следователя” Н.П. Тимофеева, появились три произведения, посвященные процессу расследования уголовного дела: “Концы в воду” Н.Д. Ашхарумова (“Отечественные записки” № 10—12) и отдельно изданные в Петербурге “Убийство в деревне Медведице” С.А. Панова и “Рассказы следователя” А.А. Шкляревского, который впоследствии писал только книги детективного жанра...» [9. С. 298].

Это утверждение не совсем точно. Далеко не во всех произведениях Шкляревского, даже собранных в книгу под общим заглавием «Рассказы судебного следователя», вообще есть герой-следователь. Так, например, в повести «Прогрес-

сист», хотя она и была опубликована в составе книги «Что погубило. Рассказы судебного следователя», герой-рассказчик совсем не судебный следователь; более того, в ней нет ни преступника, ни преступления. Это история Тимофея Автомотова, семинариста, женившегося на светской бедной девушке, оставляющей ее, поступающего в духовную академию и намеревающегося бежать с другой девушкой в Камчатку миссионерствовать, но после ее измены отправляющегося в Герцеговину в начале русско-турецкой войны и там погибающего. Кстати, и сама эта повесть озаглавлена «Прогрессист (Из недавно прошедшего). Рассказ (из записок моего приятеля-резонера)» [см.: 23]. В «рассказе из провинциальной жизни» «От нитки к иголке» рассказывается о мошенничествах юноши Василия Цепочкина, приведших его в конце концов в Сибирь, причем вся соль рассказа в «наглом цинизме», с которым сам он признается в своем беспримерном и безнравственном прагматизме рассказчику [см.: 23. С. 91—146]. В других произведениях следователь есть, но не является главным героем. Так, например, герой повести Шкляревского «В чаду эмансипации» женится в Москве на проститутке, уезжает вместе с ней в провинцию служить учителем в гимназии и погибает, не в силах вынести того, что она не отказывается от своих прежних привычек. Судебным следователем в этой повести является его единственный друг в провинции, которого не случайно, конечно же, зовут Федор Михайлович. Однако этот друг в повести ничего не расследует, а только сожалеет в конце ее, что вовремя «не разгадал» характера жены своего товарища [20. С. 203, 221]. Как видим, во многих произведениях Шкляревского переплавлен его опыт не судебного следователя, а учителя.

Между прочим, уже в этой последней книге ее издателем В. Турбой была названа существенная особенность русского уголовного романа: «психологический анализ характеров, фигурирующих в них действующих лиц» [22. От издателя (без номера страницы)] — который исследователи не без основания полагают его отличительной чертой. Другую такую черту Рейтблат видит в том, что, «в отличие от западных моделей, в отечественном детективе, как правило, основное внимание уделялось не сыщику и процессу следствия, а переживаниям преступника (нередко ведущим к раскаянию) и причинам, побудившим его к преступлению» [9. С. 300]. И вот тут автор вынужден не согласиться с уважаемым первооткрывателем данной темы в российском литературоведении и предложить некоторые коррективы.

Например, применительно к «уголовным повестям» и рассказам Шкляревского это совсем не так. Процессу расследования и фигуре самого следователя в некоторых из «уголовных» произведений писателя внимания уделено совсем немало [6. С. 5]. Но внимание это принципиально иное. Судебный следователь у него чаще всего отнюдь не полицейский детектив, проявляющий чудеса сыска, но остающийся посторонним лицом по отношению к преступникам и жертвам, как это было в классическом западно-европейском детективе, а один из героев повести, связанный с остальными особыми отношениями или, по крайней мере, равнодушный к ним.

Самому Шкляревскому, кстати сказать, совершенно не льстило звание «русского Габорио», которым его иногда жаловали критики. «Деятельность их Лекон-

ков» представлялась ему «сверхъестественной», и сами западноевропейские детективные романы казались ему безжизненными и ходульными. При этом он подчеркивал, что в иностранных детективах «самый сюжет вовсе не заимствован из жизни, факты подтасованы и ходульны» и полагал, что произведения русских писателей «отличаются несравненно большею естественностью» [19. С. 34–35].

Если зададимся вопросом о том, какие произведения русских писателей имел в виду Шкляревский и каких отечественных «Лекоков» он мог в них найти, то, разумеется, на ум приходит прежде всего Порфирий Петрович из «Преступления и наказания» Достоевского. И вряд ли сильно ошибемся, если предположим, что тип вовлеченного в отношения с другими героями и прежде всего с самим преступником следователя Шкляревский унаследовал не в последнюю очередь именно от Достоевского [15. С. 429].

В «Преступлении и наказании» «пристав следственных дел» [4. С. 104] Порфирий Петрович — психологический противник Раскольников, вначале приготавливающий ему многочисленные ловушки, затем открыто убеждающий сознаться в преступлении, и, наконец, дающий возможность явиться с повинной, чтобы тот мог получить меньший срок каторжных работ. Следовательно, это тоже так называемый «вовлеченный следователь». Некоторая фантастичность или, по крайней мере, нестандартность подобных отношений между следователем и преступником в изображении Достоевского отмечалась не раз. Так, Марк Алданов в романе «Ключ» (1929) вывел следователя Николая Петровича Яценко который, читая «Преступление и наказание», «находил, что в Порфирии Петровиче все выдуманно: и следствие так, по-домашнему, никогда не ведется, и следователя такого не могло быть даже в дореформенное время».

Правда, «самоу Яценко случалось при допросах сбиваться на тон Порфирия Петровича». А внутренне сопоставленный с Порфирием Петровичем глава политической полиции империи Сергей Васильевич Федосьев сам ведет на страницах романа разговоры (их, как и в «Преступлении и наказании» три) со знаменитым химиком доктором Александром Брауном, связанным с революционным движением, которого он подозревает в убийстве Фишера и в заключительном разговоре признается: «— Ведь в каждом из нас сидят Шерлок Холмс и Порфирий Петрович...» [1. С. 55; подробнее об этом см.: 13. С. 395–400; 14. С. 147–158].

Однако с точки зрения самой «вовлеченности» фигуры следователя в отношении с другими героями, в романах Эмиля Габорио, породившего фигуру сыщика Лекока, — по крайней мере, в ранних — дело обстояло почти точно так же. Так, герой его первого романа «Дело вдовы Леруж» (“L’Affaire Lerouge”), вышедшего отдельным изданием по-французски в том же 1866 г., что и «Преступление и наказание», главный герой — частный детектив папаша Табаре, с характерным прозвищем «Загоню-в-угол», а преступником волею случая оказывается сын его ближайшей приятельницы, к которому он относился как к своему собственному и которого в завещании объявил своим единственным наследником.

Начиная со второго романа Габорио «Преступление в Орсивале» (“Le Crime d’Orcival”, 1867), следствие ведет уже «любимый ученик папаши Табаре», всеведущий полицейский сыщик Лекок, который, в отличие от «мирового судьи» папаши Планта, человек совершенно посторонний по отношению ко всем осталь-

ным героям. Однако отчасти ради папаша Планта, отчасти из человеколюбия вместо того, чтобы просто арестовать преступника графа де Тремореля, он дает ему шанс покончить с собой и, так как тот медлит, то его убивает, намереваясь вслед за этим покончить с собой, его возлюбленная Лоранс, которой Леккок не дает сделать этого. И только в последующих романах Габорио Леккок постепенно становится все более и более «невовлеченным» сыщиком.

У Шкляревского сделан новый шаг — как по сравнению с Достоевским, так и с Габорио, — но в том же самом направлении. Судебный следователь у него уже не только удачливый или неудачливый спаситель настоящего или мнимого преступника, но иногда и его жертва. Так, например, сборник «Сочинений» Шкляревского 1872 г., сопровождаемый подзаголовком «Рассказы следователя», включает четыре повести. В первой из них — «Рассказ судебного следователя» — повествуется история раскрытия довольно запутанного убийства Настасьи Пыльневой ее сестрой. В финальной сцене повести последняя, увидев предьявленную ей следователем серьезную улику (перстень), признается в совершении преступления, но затем похищает перстень, все отрицает, запирает дверь на ключ, зовет на помощь и обвиняет его в домогательствах. В результате следователя «устранили от следствия» [22. С. 103], а преступница избежала наказания.

Во второй повести «Как люди погибают» (в других публикациях она озаглавлена «Крапивкин» [18. С. 97—148]) — следователь пытается помочь приехавшему в Петербург учиться живописи молодому человеку Крапивкину, сожительствующему с молодой девушкой Настей. Крапивкин оказался замешан в мелких мошенничествах, а затем и в краже со взломом. В конце концов, несмотря на все старания следователя-рассказчика, Крапивкин попадает в тюрьму, а Настя вешается.

В третьей повести «Как люди погибают (*Рассказ следователя*)» дело об отравлении ядом богатого помещика Бояркина его женой Антониной поступает к следователю-рассказчику, влюбленному в нее. Убежденный в ее виновности, но будучи не в силах вынести отчаяние героини, следователь уничтожает в ее присутствии главную улику. Однако выясняется, что действительной убийцей Бояркина является няня Жозефа, вину которой пыталась взять на себя Антонина. Следствие тянется годы, следователь женится на Антонине, они часто посещают Жозефу в тюрьме. Наконец, Жозефу приговаривают к каторжным работам, а относительно Антонины постановляют: «оставить “в сильном подозрении”» [22. С. 203].

Наконец, в четвертой повести «Женский труд. *Рассказ следователя*» изложена история самоубийства девицы Исталиной, умершей «от отравления себя мышьяком» [22. С. 207]. Рассказчик встречает на ее могиле знакомого Исталиной Горохова, который рассказывает ему, что он неоднократно объяснял Исталиной: будучи обеспеченной и берясь за простую работу, она отбивает хлеб у бедных. Следователь предьявляет Горохову упрек в нравственной виновности его в смерти Исталиной. На вопрос следователя: «за что вы так ненавидели Веру?» — Горохов отвечает: «— За то, что я ее любил?.. Поняли? — Добились? ... Ну, а теперь прощайте...». И в следующий приезд следователя в этот город Горохов оказывается уже в городской больнице, в так называемом «отделении скорбящих» [22.

С. 203]. Как видим, только в этой, последней повести «вовлеченность» следователя ограничивается у Шкляревского нравственным осуждением невольного виновника самоубийства героини.

Сюжет повести Шкляревского «Что побудило к убийству? (*Рассказ следователя*)» (1873) — история убийства отставного полковника Верховского его незаконнорожденным сыном Ховским. Развратного Верховского, живущего в доме с женой и любовницей-француженкой, Ховский убивает в порыве гнева, став свидетелем избиения Верховским своей жены. Впоследствии Ховский сам признается в убийстве следователю-повествователю, знакомому с семьей Верховских. Руководствуясь сочувствием к Верховской, оказавшейся невольной соучастницей убийства (она тайно впустила Ховского в дом), следователь позволяет Ховскому скрыться. Таким образом, в своем сочувствии преступнику он заходит куда дальше, чем Порфирий Петрович из «Преступления и наказания». При этом для него самого это кончается плохо: «Что касается судебного следователя, то он умер в холеру 1866 г. и погребен на Волковом кладбище. Человек он был хороший, бескорыстный, но слабый. Было у него слишком много того, что называется “чувством”, а судебному следователю этого не полагается» [23. С. 74].

В повести Шкляревского «Исповедь ссыльного», вышедшей первым отдельным изданием в 1877 г., рассказана история самоубийства Рындовской, совершенного таким образом, что в нем был обвинен ее бывший жених Далевцев. Следователь-рассказчик знакомится с Далевцевым уже в Сибири, и тот не только убеждает его в своей невинности, но и рассказывает всю свою жизнь, которую, как уже отмечалось ранее, Шкляревский наполняет некоторыми моментами собственной биографии. В конце повести следователь обнаруживает предсмертное письмо Рындовской, из которого явствует, что она покончила с собой, и на основании которого следователь «мог бы возбудить пересмотр дела о смерти девицы Рындовской, но это было бесполезно: Далевцев в это время уже умер» [17. С. 162]. «Вовлеченный следователь» присутствует на страницах и многих других произведений Шкляревского.

Любопытно, что в повести «Крапивкин» следователь-рассказчик дает собственное объяснение тому, что в пореформенной России следователи нередко стремились если не выгородить, то смягчить наказание виновным в преступлениях. Стремление русских судебных следователей к «мастерскому открытию преступлений», по его мнению, появлялось у них от чтения «английских и французских романов с разными уголовными процессами». Противоположное же стремление выгородить виновного, которое не раз замечается у следователей Шкляревского, следователь-рассказчик повести «Крапивкин» связывает с ожиданиями судебной реформы: «мы были бы хорошие полицейские чиновники, если бы не мешала нам другая сторона: все мы, со дня на день ожидали открытия гласного судопроизводства, сознавали и по теории, и по представлявшейся практике, необходимость смягчения наказаний, признания обстоятельств, уменьшающих вину преступления; да и молодые организмы наши были добродушны, а потому мы как-то спутывали действия судебных следователей с действиями будущих мировых судей, и часто грешили против данного нам “Наказа”...» [18. С. 102].

Обратимся теперь к тем трансформациям, которые образ судебного следователя претерпел в романе А.П. Чехова «Драма на охоте» (1884—1885). Роман этот появился в эпоху пика посмертной популярности «уголовных романов» Шкляревского, имя его не раз появляется на страницах «Драмы на охоте», однако в основном в критическом ключе. «...наша бедная публика, — заявляет с самого начала один из героев романа, редактор газеты, — давно уже набила оскомину на Габорио и Шкляревском. Ей надоели все эти таинственные убийства, хитросплетения сыщиков и необыкновенная находчивость допрашивающих следователей» [16. С. 244; см. также: 16. С. 273, 402], и это, по всей видимости, отчасти способствовало скорому спаду популярности Шкляревского, а в конечном счете и общему представлению современных литературоведов об уровне его дарования. Однако в действительности роман Чехова пародирует не столько по отношению к Шкляревскому, сколько по отношению ко всей русской литературной классике второй половины XIX века и прежде всего к Достоевскому [см. об этом: 5. С. 57—70]. Так что, как это не отменяет ценности Достоевского, так не должно бы отменять и ценности Шкляревского.

В отличие от романов Габорио с высокопарностью их героев и неестественностью некоторых сюжетных положений, произведения Шкляревского отличаются редкой в произведениях этого жанра жизненностью (в отличие от Достоевского, он конструирует не исключительные, а довольно обычные сюжетные ситуации), психологической разработкой и занимательностью. К сожалению, не отдал полную справедливость Шкляревскому, с нашей точки зрения, и его первый републикатор в постсоветской России А.И. Рейтблат: «... талант Шкляревского был невелик, а образования, культуры, да и знания жизни ему явно не хватало...» [9. С. 8]. Между тем, на вопрос, поставленный в заглавии его статьи, можно однозначно ответить: «ученик Достоевского» — причем вполне достойный.

Чеховская «Драма на охоте» оказывается, впрочем, сложнее в повествовательном отношении, чем большинство русских «уголовных романов», в том числе и «уголовных повестей» Шкляревского. Она включает в себя не только рассказ судебного следователя, также озаглавленный «Драма на охоте», только с другим подзаголовком «Из записок судебного следователя», но и предисловие от редактора газеты, ознакомившегося с нею и предлагающего вниманию публики, а также послесловие к нему от редактора, в котором поясняется характер публикации текста повести героя, а также рассказано о новой и последней встрече с ним.

Таким образом, не только следователь-повествователь представлен у Чехова в двух ипостасях: как герой-рассказчик, следователь Сергей Петрович Зиновьев — и реальное лицо, «Иван Петрович Камышев, бывший судебный следователь» [16. С. 243]. В «Драме на охоте» текст собственно «уголовного романа» и, соответственно, точка зрения его автора сопровождается скептическими подстрочными редакторскими примечаниями к нему (подписанными собственными инициалами Чехова — А. Ч.), сдержанной оценкой этого произведения редактором газеты в предисловии и признанием его в том, что текст повести Камышева опубликован с существенными сокращениями в послесловии.

Впрочем, некоторые подступы к такой, более сложной повествовательной структуре и «игре» точками зрения, как было показано ранее, содержали уже и

некоторые произведения Шкляревского. Например, «Рассказ судебного следователя» венчается сообщением повествователя о том, что он был отстранен от следствия. Повесть же «Что побудило к убийству? (*Рассказ следователя*)» совершенно сходным образом с чеховской «Драмой на охоте» в финале оказывается рукописью следователя, которая обрывается на полуслове (риторическим вопросом следователя Ховскому: «— Вы хотите, чтоб следователь учил вас давать показания?» — а далее следует пояснение: «Рукопись судебного следователя кончается на этом вопросе: дальнейшего хода дела мы не знаем» [23. С. 73] — и короткое послесловие автора, в котором сообщается о бегстве преступника и смерти следователя. Так что, по существу, Чехов лишь развил повествовательную структуру, намеченную в этом и некоторых других произведениях Шкляревского, а также и некоторыми другими авторами «уголовных романов». Так, например, Н. Ашхарумов свой роман «Концы в воду» сопроводил постскриптумом, в котором, в частности, говорилось: «P.S. Едва ли не лишнее объяснять, что этот рассказ, в первоначальном виде его, не был назначен для публики. Ясно, что это исповедь от лица к лицу и исповедь, занесенная на бумагу не тою, которая о себе повествует. Рукопись, вместе с другою, ее дополняющею, досталась нам в руки случайно, и мы были вынуждены сделать из нее некоторые отступления от подлинного источника, как-то: переменить имена и проч...» [3. С. 305—306].

Однако самым существенным отличием «Драмы на охоте» от повести «Что побудило к убийству?» и от всех остальных «рассказов следователя» Шкляревского, равно как и от полицейских романов Габорио, является то, что постепенно становится понятно из рукописи «Записок...» Камышева и о чем в послесловии редактор прямо заявляет ему: действительным убийцей является не понесший наказание Урбенин, а сам Камышев.

Чехов не только впервые сделал убийцей самого следователя (чего не было ни у Шкляревского, ни у Габорио и что стало достаточно расхожей развязкой, только, кажется, начиная с вышедшей в 1907 г. «Тайны Желтой комнаты» Гастона Леру). Одним из первых, если не первым в истории европейского детективного романа Чехов сделал своего «судебного следователя» «ненадежным повествователем»: «Записки судебного следователя» у него не раскрывали, а, напротив, камуфлировали — впрочем, достаточно неискусно — истинного убийцу.

Таким образом, в чеховской «Драме на охоте» вновь сталкиваемся с тем же «вовлеченным следователем», который с подачи Достоевского и Шкляревского вообще был, по-видимому, отличительной чертой русской детективной литературы. Однако «вовлеченность» эта воспроизведена у Чехова с точностью до наоборот. Судебный следователь Камышев у него оказывается убийцей, сумевшим замести следы, используя свое служебное положение, который затем выбалтывает свою тайну в написанной им повести, поскольку жаждет признания собственной неординарности. И в этом отношении Камышев, следовательно, с одной стороны, оказывается саркастической коррективой к следователям-«заступникам» Достоевского и Шкляревского, а с другой, — пародией на Раскольникова. Таким образом, следователь у Чехова парадоксальным образом пародиен и по отношению к преступнику, и по отношению к следователю из «Преступления и наказания».

Из прекраснодошного спасителя Шкляревского судебный следователь у Чехова превращается в циничного убийцу, который не может удержаться от хотя бы косвенного признания в убийстве, пусть и в форме написанного им литературного произведения. Так, отвлеченный гуманизм и романтический утопизм Шкляревского¹, а отчасти и Достоевского в изображении судебного следователя спровоцировал начинающего писателя на жесткость и сарказм, которые составят отличительные приметы творческой индивидуальности будущего классика русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Алданов М.А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1993. Т. 3. 627 с.
- [2] *Антохин Г.В.* Печатное слово России. История журналистики Черноземного центра страны XIX века. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1993. 224 с.
- [3] *Ашхарумов Н.* Концы в воду (окончание) // Отечественные записки. СПб.: Типография Н. Греча, 1872. № 12. С. 235—306.
- [4] *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. 472 с.
- [5] *Кибальник С.А.* Ранний Чехов «за» и «против» Достоевского // Кибальник С.А. Чехов и русская классика: проблемы интертекста. Статьи, очерки, заметки. СПб.: ИД «Петрополис», 2015. С. 57—70.
- [6] *Кустова О.* Забытый жанр русской литературы // Шкляревский А. Секретное следствие; Гейнце Н. Цветы и слезы (Под чужой волей). СПб.: Лира, 1992. 400 с.
- [7] *Ласунский О.Г.* Литературно-общественное движение в русской провинции: Воронежский край в «эпоху Чернышевского». Воронеж: Центр. -Чернозем. кн. изд-во, 1985. 221 с.
- [8] Петербургские пауки. Антология русского уголовного романа / Сост. Б. Герцензон. СПб.: Лира, 1994. 400 с.
- [9] *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 447 с.
- [10] *Рейтблат А.И.* «Русский Габорио» или ученик Достоевского? // Шкляревский А.А. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя). М.: Художественная литература, 1993. С. 5—13.
- [11] *Соколов А.А.* Из моих воспоминаний (Фрагмент) // Шкляревский А.А. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя). М.: Художественная литература, 1993. С. 290—305.
- [12] *Сурина Н.Н.* Окололитературная жизнь Санкт-Петербурга в письме А.А. Шкляревского А.С. Суворину // Русская филология. Ученые записки. Смоленский гос. пед. ун-т. Т. 8. Смоленск: Смоленский государственный педагогический университет, 2004. С.
- [13] *Тассис Ж.* Достоевский глазами Алданова // Достоевский и XX век. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 1. С. 395—400.
- [14] *Тассис Ж.* Роман «Преступление и наказание» в двух романах М.А. Алданова // Достоевский и русское зарубежье XX века / Ред. Ж.-Ф. Жаккара и Ульриха Шмида. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 147—158.
- [15] *Ф.М. Достоевский.* Новые материалы и исследования. Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 86. 792 с.
- [16] *Чехов А.П.* Драма на охоте (Истинное происшествие). Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Т. 3. М.: Наука, 1975. 624 с.

¹ Автору статьи представляются совершенно безосновательными сближения его творчества с европейским и русским натурализмом, а мастерство бытописания Шкляревского скорее объясняется, с авторской точки зрения, традициями русского «физиологического очерка» [Ср.: 6. С. 5].

- [17] Шкляревский А.А. Исповедь ссыльного. 3-е изд. СПб.: Типография кн. В.В. Оболенского, 1879. 311 с.
- [18] Шкляревский А.А. Как люди погибают. Рассказы судебного следователя. I. Свитая веревка. II. Крапивкин. М.: Типография быв. А.В. Кудрявцевой, 1880. 311 с.
- [19] Шкляревский А.А. Князь Амата-Бек. СПб., 1882. 277 с.
- [20] Шкляревский А.А. Повести и рассказы. М.: Изд. книгопродавца Манухина, 1871. 311 с.
- [21] Шкляревский А.А. Собр. соч. СПб.: Изд. П.Д. Подшивалова, 1881. 311 с.
- [22] Шкляревский А.А. Сочинения. Т. 1. Рассказы следователя. СПб.: Изд. книжного магазина В.П. Турбы, 1872. 251 с.
- [23] Шкляревский А.А. Что побудило к убийству? (Рассказы следователя). М.: Художественная литература, 1993. 303 с.

© Кибальник С.А., 2017

Благодарности и финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Интертекстуальная поэтика русской художественной прозы XIX—XXI веков и теоретические основы интертекстологии» № 15-34-01013.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 2 апреля 2017

Дата принятия к печати: 22 апреля 2017

Для цитирования:

Кибальник С.А. Судебный следователь в русской детективной литературе 1860—1880 гг. От Александра Шкляревского до Чехова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 3. С. 384—397. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-384-397

Сведения об авторе:

Кибальник Сергей Акимович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, заведующий Отделом новейшей русской литературы. Контактная информация: e-mail: kibalnik007@mail.ru

“JUDICIAL INVESTIGATOR” IN THE RUSSIAN DETECTIVE LITERATURE OF 1860—1880 FROM ALEXANDER SHKLYAREVSKY TO CHEKHOV

S.A. Kibalnik

Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences
Naberezhnaya Makarova, 4, St. Petersburg, Russia, 99034

This article traces the development trajectory of the detective genre in Russian literature. The direct object of analysis is the image of a judicial investigator, examined on the basis of a vast corpus of literary texts. Interpretation of works of literature is provided with biographical data, which form the basis of the «vertical context».

Key words: genre, detective literature, Russian prose of 1860—1880-ies

REFERENCES

- [1] Aldanov M.A. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected works in 6 vol.]. M.: Pravda, 1993. T. 3. 627 s.
- [2] Antyukhin G.V. *Pechatnoye slovo Rossii. Istoriya zhurnalistiki Chernozemnogo tsentra strany XIX veka* [Printed word in Russia. History of journalism of the Central part of Russia in XIX-th century]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta, 1993. 224 s.
- [3] Ashkharumov N. *Kontsy v vodu (okonchaniye)* [Ends hidden]. *Otechestvennyye zapiski*. SPb.: Tipografiya N. Grecha, 1872. No. 12. S. 235—306.
- [4] Dostoyevskiy F.M. *Prestupleniye i nakazaniye* [Crime and punishment]. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* L.: Nauka, 1973. T. 6. 472 s.
- [5] Kibalnik S.A. *Ranniy Chekhov «za» i «protiv» Dostoyevskogo* [Early Chekhov pro and contra Dostoyevsky]. Kibalnik S.A. *Chekhov i russkaya klassika: problemy interteksta. Stati. ocherki. zametki*. SPb.: ID «Petropolis», 2015. S. 57—70.
- [6] Kustova O. *Zabytyy zhanr russkoy literatury* [Forgotten genre of Russian literature]. Shklyarevskiy A. *Sekretnoye sledstviye; Geyntse N. Tsvety i slezy (Pod chuzhoj voley)*. SPb.: Lira, 1992. 400 s.
- [7] Lasunskiy O.G. *Literaturno-obshchestvennoye dvizheniye v russkoy provintsii: Voronezhskiy kray v «epokhu Chernyshevskogo»* [Literary and social movement in Russian province]. Voronezh: Tsentr.-Chernozem. kn. izd-vo, 1985. 221 s.
- [8] *Peterburgskiy pauki. Antologiya russkogo ugovornogo romana* [Petersburg spiders. Antology of crime novels]. Sost. B. Gertsenzon. SPb.: Lira, 1994. 400 s.
- [9] *Reytblat A.I. Ot Bovy k Balmontu i drugiye raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on historical sociology of Russian literature]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2009. 447 s.
- [10] *Reytblat A.I. «Russkiy Gaborio» ili uchenik Dostoyevskogo?* [Russian Gaborio or Dostoyevsky's disciple?]. Shklyarevskiy A.A. *Chto pobudilo k ubiystvu? (Rasskazy sledovatelya)*. M.: Khudozhestvennaya literature, 1993. S. 5—13.
- [11] *Sokolov A.A. Iz moikh vospominaniy (Fragment)* [From my memories]. Shklyarevskiy A.A. *Chto pobudilo k ubiystvu? (Rasskazy sledovatelya)*. M.: Khudozhestvennaya literature, 1993. S. 290—305.
- [12] *Surina N.N. Okololiteraturnaya zhizn Sankt-Peterburga v pisme A.A. Shklyarevskogo A.S. Suvorinu* [Nearby literary life in the letter of A. Shklyarevski to A.Suvorin]. *Russkaya filologiya. Uchenyye zapiski. Smolenskiy gos. ped. un-t. T. 8.* Smolensk: Smolenskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2004. S.
- [13] *Tassis Zh. Dostoyevskiy glazami Aldanova* [Dostoyevsky by Aldanov's eyes]. *Dostoyevskiy i XX vek.* M.: IMLI RAN, 2007. T. 1. S. 395—400.
- [14] *Tassis Zh. Roman «Prestupleniye i nakazaniye» v dvukh romanakh M.A. Aldanova* [The novel "Crime and punishment" in two novels by Aldanov]. *Dostoyevskiy i russkoye zarubezhye XX veka. Red. Zh.-F. Zhakkara i Ulrikha Shmida.* SPb.: Dmitriy Bulanin, 2008. S. 147—158.
- [15] *F.M. Dostoyevskiy. Novyye materialy i issledovaniya. Literaturnoye nasledstvo* [New materials and investigations. Literary heritage]. M.: Nauka, 1973. T. 86. 792 s.
- [16] *Chekhov A.P. Drama na okhote (Istinnoye proisshestviye)* [Drama on the hunt]. *Chekhov A.P. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Soch.: v 18 t. T. 3.* M.: Nauka, 1975. 624 p.
- [17] *Shklyarevskiy A.A. Ispoved ssylnogo* [Confession of an exile]. 3-e izd. SPb.: Tipografiya kn. V.V. Obolenskago, 1879. 311 s.
- [18] *Shklyarevskiy A.A. Kak lyudi pogibayut. Rasskazy sudebnogo sledovatelya. I. Svitaya verevka. II. Krapivkin* [How do people perish. Magistrate's stories]. M.: Tipografiya byv. A.V. Kudryavtsevov, 1880. 311 s.
- [19] *Shklyarevskiy A.A. Knyaz Amalat-Bek* [Khigh Amalat-bek]. SPb., 1882. 277 s.
- [20] *Shklyarevskiy A.A. Povesti i rasskazy* [Novels and stories]. M.: Izdaniye knigoprodavtsa Manukhina, 1871. 311 s.
- [21] *Shklyarevskiy A.A. Sobr. soch.* [Collected works]. SPb.: Izd. P.D. Podshivalova, 1881. 311 s.
- [22] *Shklyarevskiy A.A. Sochineniya* [Works]. T. 1. *Rasskazy sledovatelya.* SPb.: Izdaniye knizhnogo magazina V.P. Turby, 1872. 251 s.

[23] Shklyarevskiy A.A. Chto pobudilo k ubiystvu? (Rasskazy sledovatelya). [What do prompted to murder. Magistrate's stories]. M.: Khudozhestvennaya literature, 1993. 303 s.

Article history:

Received: 2 April 2017

Revised: 22 April 2017

Accepted: 28 April 2017

For citation:

Kibalnik S.A. (2017) "Judicial investigator in the Russian detective Literature of 1860—1880. From Alexander Shklyarevsky to Chekhov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (3), 384—397. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-384-397

Bio Note:

Kibalnik Sergey Akimovich, Doctor of Philology, Head of Department of New Russian Literature of Pushkin House. *Contacts:* e-mail: kibalnik007@mail.ru